

Анна Шилд
Ада Огнева

ПАРИ МАЖОРА

Любовь на высоте

Ада Огнева

Пари мажора. Любовь на высоте

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Пари мажора. Любовь на высоте / А. Огнева — «Автор»,
«Автор», 2026

Полина умеет справляться с пассажирами, турбулентностью и чужой наглостью. Но даже старший бортпроводник бизнес-авиации не готова к Артуру — миллиардеру-пилоту, которому слишком редко говорят «нет». После их перепалки он заключает пари на гоночный вертолёт: за тридцать дней заставить неприступную Полину капитулировать. Она тем временем устанавливает свои правила и не собирается обслуживать его самолюбие. Артуру впервые приходится доказывать состоятельность настоящей работой. А впереди опасный полёт над Альпами, где фамилия не спасёт, и женщина, рядом с которой всё труднее помнить о ставке.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Шилд

Пари мажора. Любовь на высоте

ПАРИ МАЖОРА

Любовь на высоте

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Холодный предрассветный туман над летным полем Внуково-три пах замерзающей влагой, тяжелым авиационным керосином и свежеложенным асфальтом рулежных дорожек.

Я застегнула верхнюю золотую пуговицу темно-синего форменного жакета, поправила шелковый шейный платок цвета грозового неба и шагнула на бетонную стоянку сектора деловой авиации. В шесть утра в конце октября здесь царила особая, почти музейная тишина, которую редко встретишь в шумных терминалах регулярных авиалиний. Никаких толп с чемоданами, никакой суеты очередей на регистрацию и монотонного бубнежа громкоговорителей. Только приглушенный свист вспомогательных силовых установок, мерное мигание желтых проблесковых маяков аэродромных тягачей и хищные силуэты частных самолетов, замерших вдоль белой разметки перрона.

Каждый из этих бортов стоил целое состояние. Десятки миллионов долларов, вложенные в полированный алюминий, углепластик и турбореактивные двигатели. Но для меня они никогда не казались просто игрушками скушающих богачей.

Для меня самолет всегда оставался воздушным судном. Сложной, требовательной и прекрасной машиной, которая держится в воздухе благодаря законам аэродинамики, безупречной выучке экипажа и тысячам часов упорного труда. Небо отвергает сословия, титулы и банковские счета. Стоит оторвать стойки шасси от полосы, и законы физики становятся одинаково беспощадными для каждого человека на борту, от владельца нефтяной корпорации до стажерки в хвостовом отсеке.

Я глубоко вдохнула колкий сырой воздух, чувствуя, как внутри расправляется знакомая, привычная за восемь лет полетов струна собранности.

Мой путь к должности старшего бортпроводника флагманских бизнес-джетов не имел ничего общего с легкими дорогами. Я не попала сюда по протекции богатых покровителей или случайному кастингу улыбчивых моделей. За моей спиной стояли семь с половиной лет суровой школы регулярных магистральных рейсов. Ночные перелеты на Дальний Восток, плотные экономы на сотни пассажиров, внезапные сердечные приступы на высоте одиннадцать тысяч метров и бесконечные тренировки на тренажерах. Я знала наизусть устройство каждого клапана, умела в темноте развернуть надувной трап, наложить жгут на артерию и вскрыть заклинившую дверь гермокабины аварийным топором за считанные секунды.

Полгода назад меня переманили в компанию деловой авиации, предложив статус старшего бортпроводника на тяжелых дальнемагистральных судах. Здесь платили втрое больше, а сервис напоминал работу закрытого мишленовского ресторана в заоблачной вышине. Но моя внутренняя шкала ценностей осталась прежней. Безопасность рейса стояла выше любых капризов, а золотые пуговицы на моей форме напоминали исключительно о знаках отличия гражданского воздушного флота вместо лакейской услужливости.

На стоянке номер четырнадцать замер наш сегодняшний красавец. Белоснежный дальнемагистральный бизнес-джет тяжелого класса «Челленджер-шестьсот пятьдесят».

Его полированные плоскости слабо блестели в свете маяковых прожекторов. Стреловидные крылья с высокими законцовками словно застыли в напряженном броске, готовые в любую секунду рассечь низкую облачность и унести в стратосферу на скорости девятьсот километров в час. Возле носового обтекателя стоял Степан Ильич, наш командир воздушного судна.

Это был седой пятидесятипятiletний летчик с цепким взглядом серых глаз и выцветшими нашивками пилота первого класса. За его плечами лежали пятнадцать тысяч безаварийных часов на всем, что летает в отечественном небе, от старых грузовых бортов до новейших суперджетов. Он бережно водил лучом мощного фонаря по кромке воздухозаборника правого

двигателя, лично проверяя лопадки турбины на отсутствие микротрещин и посторонних предметов перед рейсом.

— Доброе утро, командир, — произнесла я, подходя ближе и соблюдая безопасную дистанцию до стойки шасси.

Степан Ильич выключил фонарь, повернулся и скупое, по-отечески тепло улыбнулся.

— Здравствуй, Полина. Опять пришла на полчаса раньше графика?

— Регламент предписывает начинать подготовку за два часа до вылета. — Я показала командиру часы; он сверился со своими и усмехнулся. — Особенно когда на борту заявлен специальный заказчик с повышенными требованиями к сервису.

Командир слегка поморщился, пряча фонарь в карман теплой летной куртки. В его взгляде мелькнула тень усталого раздражения, знакомая всем опытным пилотам, вынужденным терпеть замашки капризных хозяев жизни.

— Заказчик у нас сегодня непростой, это верно, — негромко проговорил он, глядя на темнеющее вдалеке здание vip-терминала. — Сам господин Кречетов со своей светской компанией изволит лететь на Кавказ. Артур Дмитриевич собственной персоной. Говорят, вчера закрыл крупную сделку по лизингу новых бортов, теперь празднует. Так что держись, Поля. Мужик он молодой, горячий, наглый до предела. Привык, что все вокруг падают ниц по первому щелчку пальцев.

— Пусть падает кто угодно, Степан Ильич. — Я посмотрела на трап: скоро по нему поднимется этот грозный заказчик. — В моем салоне действуют правила безопасности гражданской авиации. Кто бы ни сидел в пассажирском кресле, законы воздуха одинаковы для каждого.

— Вот за это я тебя и уважаю, — хмыкнул командир, похлопав меня по плечу в перчатке. — Ладно, принимай борт. Наш второй пилот Миша уже в кабине, забивает маршрут в бортовой компьютер. Прогноз по маршруту пока рабочий, но к полудню над Кавказским хребтом обещают развитие грозовой облачности и сильную болтанку. Так что закрепляй все в кухне на совесть.

Я кивнула, развернулась и поднялась по встроенному складному трапу в салон самолета.

Внутри пахло тончайшей натуральной кожей, нагретым полированным шпоном карельского ореха и морозной свежестью кондиционированного воздуха. Салон «Челленджера» был настоящим произведением инженерного и дизайнерского искусства. Просторный, рассчитанный на двенадцать персон салон делился на две приватные зоны. В первой располагались широкие поворотные кресла из кремовой кожи с функциями массажа и глубокого наклона, во второй — широкий трехместный диван, трансформирующийся в полноценную двухспальную кровать, и раскладной полированный стол для переговоров.

У переборки служебного отсека топталась Лера, моя вторая бортпроводница.

Двадцатидвухлетняя девчонка с круглыми испуганными глазами попала на борт бизнес-авиации всего месяц назад после курсов бортпроводников. Сегодня у нее был первый самостоятельный вылет с особо важными персонами, и от нервного напряжения ее пальцы мелко дрожали, теребя бейдж на темно-синей жилетке.

— Полина Сергеевна, доброе утро, — пролепетала она прерывающимся шепотом. — Я кейтеринг уже приняла, экспедиторы все доставили по описи. Но там... там такие деликатесы, я даже названий половины сыров не слышала! А еще привезли свежие ягоды, черную икру в хрустале и шесть бутылок какого-то винтажного шампанского по цене подержанного автомобиля. Если я разобью хоть один бокал, мне придется продавать почку!

— Дыши глубже, Лера, — мягко, но твердо сказала я, снимая пальто и оставаясь в приоткрытом жакете. — Твои почки никому здесь не нужны. В авиации нет места панике. Паника порождает суету, а суета приводит к аварийным ситуациям. Запомни первое золотое правило. На борту самолета главная роскошь — это безопасность и хладнокровие. Шампанское и черная икра стоят на втором месте.

Я подошла к переднему служебному вестибюлю и открыла инспекционный люк аварийно-спасательного оборудования.

Я лично проверила пломбы на переносных кислородных баллонах, убедившись, что стрелка манометра замерла в зеленой зоне на отметке тысяча восемьсот фунтов на квадратный дюйм. Проверила комплектность дымозащитных капюшонов для экипажа, зарядку переносных светодиодных фонарей и срок годности аварийно-спасательного радиомаяка. Затем дотянулась до потолочной панели и проверила тестовый сброс замков пассажирских масок. Каждая кислородная маска в верхних панелях должна была выпасть безупречно в случае внезапной разгерметизации на эшелоне.

— Лера, подходи сюда, — позвала я девушку. — Смотри внимательно. Огнетушитель хладоновый. Проверяем пломбу, чеку и индикатор давления. Аптечка первой помощи номер один. Пломба цела. Аварийный топор за спинкой кресла проводника зафиксирован надежно. Повтори алгоритм действий при задымлении кухни.

Стажерка соглотнула, выпрямилась по струнке и скороговоркой затараторила заученные на тренажерах инструкции.

Я слушала ее внимательно, подмечая каждую деталь. Голос девочки дрожал, но знания в голове держались крепко. Это радовало. Красивая улыбка и умение правильно подать горячее блюдо важны для богатых пассажиров, но если на высоте загорится проводка подогревателя полотенец, спасти людей придется решительными действиями за сорок пять секунд, забыв о светских манерах.

Закончив с аварийным оборудованием, мы перешли в бортовую кухню, так называемый галлей.

Здесь пространство напоминало лабораторию точного приборостроения. Высокотехнологичная паровая печь, компактная микроволновка, индукционная кофемашина высокого давления, холодильные боксы с сухим льдом и ряды металлических контейнеров с замками авиационного типа. Каждый прибор, каждая чашка и каждая вилка должны были защелкиваться на специальные фиксаторы. Незакрепленный металлический нож или тяжелый кофейник при

резком маневре самолета на взлете превращались в смертоносные снаряды, летящие по салону с огромной скоростью.

Я надела тонкие белые хлопковые перчатки и принялась за сервисную подготовку.

Мы разложили тяжелые льняные салфетки с монограммой авиакомпании, выставили тонкостенные бокалы из горного хрусталя в специальные бархатные гнезда бара, проверили температуру охлаждения винного шкафа.

В отдельном контейнере стоял термос с фирменным концентратом сибирских ягод. Облепиха, протертая с таежным медом, диким бадьяном и свежим корнем имбиря. В заявке на рейс стояла особая отметка от личного помощника заказчика. Господин Кречетов требовал подавать свежесваренный облепиховый чай сразу после запуска двигателей, строго определенной температуры и в фарфоровой посуде тонкой ручной работы.

— Странный вкус для молодого олигарха, — пробормотала Лера, расставляя фарфоровые чашки на подносе с антискользящим силиконовым ковриком. — Я думала, такие парни с утра пьют только дорогой коньяк или энергетики.

— Вкус заказчика нас не касается, — отозвалась я, протирая зеркальную поверхность кофемашины сухой салфеткой из микрофибры. — Наше дело — подать напиток безопасно, вовремя и без нарушения предполетных процедур. И запомни накрепко. Пока самолет находится на этапе руления, никаких горячих напитков в салоне быть не должно. Это категорически запрещено федеральными авиационными правилами. При резком торможении на перроне или пересечении полосы кипятилок моментально окажется на коленях пассажира.

— А если он сам потребует? — робко уточнила Лера. — Нам на курсах говорили, что в вилп-авиации желание гостя — это закон.

Глава 2

Я строго посмотрела девушке прямо в глаза.

— Закон здесь только один. Федеральные авиационные правила и безопасность полета. Запомни это раз и навсегда, Лера. Ни один миллиардер на планете не имеет права рисковать жизнями людей и здоровьем экипажа ради своей прихоти. Если возникнет конфликт между капризом пассажира и безопасностью, мы всегда выбираем безопасность. Точка.

В этот момент в проеме кабины пилотов показался Михаил, второй пилот. Молодой подтянутый парень с планшетом в руках махнул мне рукой.

— Полина, диспетчер дал предварительное время вылета. Через сорок минут освобождается воздушный коридор на юг. Кортёж гостей только что въехал через контрольно-пропускной пункт VIP-терминала Внуково-три. Будьте готовы к встрече. Судя по докладу службы безопасности аэропорта, там едет целая делегация веселых ребят на трех гелендвагенах.

— Мы готовы, Миша, — ответила я, снимая рабочие перчатки и аккуратно убирая их в карман служебной тумбы. — Салон проверен, аварийные выходы чисты, документация заполнена.

Я подошла к настенному зеркалу гардероба. Строгий силуэт темно-синей формы подчеркивал осанку, на лацкане гордо сияли золотые крылья старшего бортпроводника, волосы были гладко уложены в узел. Я расправила плечи и замерла у входной двери, ожидая тех, кто считал этот мир своей собственностью.

Тяжелый рокот мощных моторов разорвал тишину летного поля, когда три черных бронированных внедорожника с глухой тонировкой вылетели на перронную полосу. Головная машина резко затормозила у нашего трапа, подняв влажную взвесь с бетона, а охрана оцепила периметр стоянки.

Следом распахнулась задняя дверь среднего автомобиля, и на трап шагнул человек, чье имя гремело во всех деловых хрониках столицы.

Артур Кречетов.

Ему было не больше двадцати восьми лет, но держался он с такой безграничной, почти звериной уверенностью в собственном всемогуществе, словно купил эту планету вместе с облаками и атмосферой еще на прошлой неделе. Высокий, широкоплечий, с породистым хищным профилем и копной густых темных волос, уложенных с нарочитой небрежностью. В его взгляде холодных серых глаз читалась привычка повелевать без лишних слов.

На нем был надет серый дизайнерский пиджак из тончайшего кашемира ручной работы, белоснежная сорочка с расстегнутым воротом и темные брюки идеального кроя. На широком загорелом запястье холодным платиновым огнем сверкал массивный авиационный хронограф. Он взбегал по узким ступенькам встроенного трапа хищной походкой, громко разговаривая по телефону и не глядя под ноги. Следом поднимался Вадим Романов, давний приятель Артура и его постоянный соперник по вертолетным гонкам, в дорогой кожаной куртке с цепким взглядом игрока, а за ним еще двое молодых парней из той же золотой когорты.

— Добро пожаловать на борт, господа, — четко, звонко и безукоризненно вежливо произнесла я, встречая вожака стаи в дверном проеме легким профессиональным поклоном головы.

Артур даже не сбавил шаг.

Он буквально пропорол взглядом пространство перед собой, скользнул равнодушными серыми зрачками по моей темно-синей форме, словно на его пути стояла неодушевленная часть внутренней переборки, и небрежно бросил на ходу —

— Чемоданы в багажник, телефон на зарядку. И шевелись там, милочка, мы уже опаздываем на полчаса из-за ваших сонных диспетчеров.

У Леры за моей спиной испуганно перехватило дыхание, но внутри меня не дрогнул ни один нерв. За годы полетов я повидала немало таких хозяев жизни, искренне уверенных, будто человеческое достоинство продается вместе с авиабилетом первого класса.

— Ваш багаж уже размещен, господин Кречетов, — сказала я ему в спину; он замедлил шаг на собственной фамилии. — Прошу вас и ваших гостей занять свои места и пристегнуть привязные ремни. Командир готовится запросить запуск двигателей.

Артур остановился посреди переднего салона, медленно повернулся на каблуках и впервые посмотрел на меня по-настоящему.

Его брови насмешливо поползли вверх. В серых глазах вспыхнул искренний, почти снисходительный интерес взрослого хищника к взбунтовавшейся лабораторной мыши.

— Надо же, голос подала, — лениво протянул он, скользя взглядом по золотым пуговицам моего жакета, тонкой талии под ремнем и крыльям на лацкане. — А ты бойкая. Новень-

кая, что ли? Прежняя старшая проводница знала свое место и не читала мне нотаций на моем собственном рейсе.

— Я старший бортпроводник Полина Светлова, — ответила я, выдерживая его давящий взгляд с абсолютным спокойствием гранитной скалы. — И напоминаю вам, что на борту воздушного судна требования безопасности не являются нотациями. Это закон, обязательный для исполнения всеми гражданами на борту.

Вадим, стоявший позади него у раскладного столика, негромко и ехидно присвистнул.

— Ого, Артурчик! Похоже, твоя новая стюардесса собирается построить тебя по стойке смирно еще до отрыва от бетона. Запиши в ежедневник, первый раунд за гражданской авиацией!

Дружки за его спиной дружно хохотнули, плюхаясь в глубокие кремовые кресла.

Челюсти Артура едва заметно сжались. Ему явно не понравилось, что его авторитет подвергли сомнению прямо перед близким кругом. На холеных скулах проступили жесткие желваки, но вслух он ничего не сказал. Лишь криво усмехнулся, бросил пиджак на соседнее кресло и опустился на широкое пассажирское сиденье у левого иллюминатора.

— Посмотрим, как ты запоешь в воздухе, Светлова, — бросил он через плечо. — Сделай мне чай. Облепиховый, горячий, по моему рецепту. И поживее.

Я коротко наклонила голову и вернулась в кухонный отсек, задернув шелковую штору.

Через две минуты ожили бортовые системы.

Тяжелый «Челленджер» мелко задрожал всем своим двадцатитонным телом, когда за кормой с глухим нарастающим свистом запустился первый турбореактивный двигатель. Следом подхватил второй. В салоне мягко изменилось давление воздуха, загудели вентиляционные каналы климатической установки.

Над головами пассажиров мягко звякнул электронный зуммер, и на центральных экранах вспыхнуло яркое светящееся табло с силуэтом пристегнутого человека.

В динамиках громкой связи раздался уверенный, глубокий голос Степана Ильича —

— Говорит командир воздушного судна. Экипаж приветствует вас на борту. Мы начинаем выруливание на предварительный старт взлетно-посадочной полосы номер два. Погода по маршруту сложная, расчетное время полета до Минеральных Вод составляет один час сорок пять минут. Убедительная просьба ко всем пассажирам оставаться на своих местах и застегнуть привязные ремни. Бортпроводникам приготовиться к взлету.

Самолет плавно качнулся и медленно покатился по бетонке рулежной дорожки.

Я держалась за служебный поручень кухни. Облепиховую смесь заварила еще на стоянке и теперь закрывала чайник перед тем, как убрать его в нишу. Ягоды отдавали потрясающий густой аромат таежного меда, хвои и бадьяна. На подносе с высокими бортиками и нескользящим покрытием стояла тонкая фарфоровая чашка. По правилам никакой раздачи горячих напитков на рулении быть не могло. Чай должен был настояться до набора высоты, когда командир отключит табло.

Но спокойный сценарий рухнул в одно мгновение.

Шелковая штора с шумом отлетела в сторону, заставив Леру испуганно ойкнуть и отскочить к холодильнику.

В проеме стоял Артур.

Он успел снова натянуть свой безупречный кашемировый пиджак, но даже не подумал застегнуть пуговицы. Ремень безопасности на его кресле остался сиротливо лежать на коже сиденья. Артур стоял посреди узкого прохода в полный рост, широко расставив ноги и удерживая равновесие за счет исключительной физической подготовки. В его руке дымилась тонкая электронная сигарета, что являлось еще одним вопиющим нарушением всех инструкций.

— Где мой чай, Светлова? — требовательно спросил он, нависая надо мной всем своим внушительным ростом. — Я просил подать его сразу после запуска. Ты плохо слышишь команды заказчика?

Я медленно опустила фарфоровую ложечку на салфетку, повернулась к нему лицом и указала взглядом на светящееся табло над его головой.

— Господин Кречетов, самолет находится в движении по сложной рулежной дорожке. Табло пристегните ремни включено командиром воздушного судна. Нахождение пассажиров в проходе категорически запрещено правилами безопасности полетов. Прошу вас немедленно вернуться на свое место и зафиксировать ремень.

В его серых глазах блеснуло откровенное, наглое бешенство.

Он сделал шаг вперед, войдя прямо в тесное кухонное пространство, нарушая границы служебной зоны. От него пахло морозным воздухом, дорогим сандаловым парфюмом и чистым, незамутненным упрямством избалованного властью мужчины. Расстояние между нашими лицами сократилось до полуметра. Я видела каждую темную крапинку в его радужке, видела, как под тонкой кожей виска пульсирует напряженная жилка.

— Послушай меня внимательно, девочка с крылышками, — произнес он тихим, вкрадчивым, опасным шепотом, от которого у слабонервных людей обычно подкашиваются колени. — Этот самолет принадлежит моей лизинговой компании. Твоя авиакомпания работает по контракту с моим холдингом. Я плачу зарплату твоему генеральному директору, твоим пилотам и лично тебе. Если я захочу стоять на голове во время взлета, я буду стоять на голове. А твоя единственная обязанность — молча наливать мне чай и улыбаться. Ты уяснила?

Мое сердце глухо и тяжело ударило в ребра, разгоняя по венам горячую волну адреналина.

Мне хотелось залепить этой самодовольной холеной физиономии звонкую пощечину прямо здесь, среди металлических полок и индукционных плит. Но профессиональный бортпроводник не имеет права на базарные истерики. Моим оружием было хладнокровие, стальная выдержка и закон.

— Вы можете владеть хоть всем воздушным флотом страны, господин Кречетов, — ответила я, глядя ему прямо в зрачки и не отступая ни на миллиметр. — Но пока закрыты двери этого борта, единственная абсолютная власть здесь принадлежит командиру воздушного судна. А моя прямая обязанность — защищать вашу жизнь, даже если вы сами ведете себя безрассудно. Сядьте в кресло и пристегнитесь. Чай подам после взлета, когда командир разрешит обслуживание.

Артур зло усмехнулся, демонстративно скрестив руки на груди прямо передо мной.

— Не сяду. Неси сюда. Прямо сейчас. Проверим, насколько твердо держат поднос твои идеальные ручки.

Глава 3

Это была прямая, неприкрытая провокация. Он проверял меня на излом, желая сломать мою гордость на глазах у своих дружков, которые уже с любопытством вытягивали шеи из салона.

Я взяла поднос двумя руками, чтобы убрать его в закрывающуюся нишу. На коврике стояла чашка с янтарно-оранжевым чаем. Артур заслониł доступ к стойке. Я повернула поднос боком, пытаясь дотянуться до фиксатора за его плечом.

— Отойдите от оборудования. Вы мешаете мне его закрепить.

И в эту самую секунду реальность авиации напомнила о себе с беспощадной наглядностью.

Как позже рассказал командир, впереди, на пересечении магистральной дорожки, внезапно выскочил тяжелый аэродромный топливозаправщик, водитель которого грубо нарушил очередность движения спецтранспорта. Степан Ильич в кабине среагировал мгновенно, как и подобает асу с многолетним стажем.

Он резко, с колоссальным усилием вдавил педали тормозов.

Двадцатитонный лайнер клюнул носом, издав протяжный визг тормозных колодок об углепластиковые диски шасси.

Сила инерции была чудовищной. Если бы человек сидел в кресле с застегнутым ремнем, он бы просто почувствовал плотное давление широкой синтетической ленты на бедра. Но Артур стоял посреди прохода на прямых ногах, не держась ни за один поручень.

Его рослый двухметровый корпус качнуло вперед словно подрубленную сосну.

Пытаясь поймать ускользающее равновесие, он инстинктивно выбросил руку в сторону, со всей дури налетев локтем прямо на край моего подноса.

Я удержала равновесие, упершись бедром в прочный каркас переборки. Но поднос от страшного удара вывернуло под углом сорок пять градусов.

Тяжелая фарфоровая чашка опрокинулась.

Густая, обжигающая, ярко-рыжая волна облепихового варева, насыщенная ягодами, медом и бадьяном, смачным широким шлепком выплеснулась прямо на грудь господина Кречетова.

Горячая жидкость мгновенно пропитала тончайший серый кашемир его эксклюзивного пиджака, расплзаясь от ворота сорочки до самого ремня безобразным, маслянистым, ядовито-оранжевым пятном. Ягоды весело шмякнулись о платиновый хронограф и сползли на темные дизайнерские брюки.

В салоне воцарилась гробовая, леденящая тишина.

Самолет окончательно замер на бетоне. Слышно было, как за бортом свистят двигатели и прерывисто дышит Артур. Лера уже тянулась за аптечкой, но он оттолкнул протянутую салфетку.

Артур медленно опустил подбородок, глядя на то, во что превратился его пиджак.

Первые мгновения он просто не верил своим глазам, ошеломленный случившимся. А затем шок сменился слепым, разрушительным ураганом ярости.

Его лицо налилось багровой кровью. Глаза сузились до узких щелочек, на висках вздулись толстые синие вены.

— Ты... ты что натворила, дрянь?! — взревел он таким диким, сорванным голосом, что зазвенели хрустальные бокалы в витрине бара.

Он рванулся вперед и железными клещами вцепился мне в правое предплечье, сжимая ткань форменного жакета с такой яростью, что пальцы побелели.

— Ты хоть понимаешь, сколько стоит эта вещь?! — шипел он мне в лицо, брызжа слюной от клокочущей злобы. — Этот пиджак шили по спецзаказу в Италии из шерсти викуньи! Он стоит больше, чем ты заработаешь за всю свою нищенскую жизнь! Ты сожгла мне грудь, идиотка! Падай на колени! Слышишь меня?! Падай на колени, бери салфетки и вытирай все до последней капли, пока я не уничтожил тебя прямо здесь! Ты вылетишь из авиации с волчьим билетом! Я сделаю так, что тебя не возьмут мыть полы даже на заброшенном сельском аэродроме!

Боль от его хватки обожгла руку, но Артур просчитался. Он привык иметь дело со светскими содержанками, плакавшими от одного его окрика. Он не понимал, что перед ним стоит старший бортпроводник с суровой закалкой, знающая цену хладнокровию на высоте десять тысяч метров.

Мой взгляд стал прозрачным и холодным, как арктический лед.

Я повернула предплечье к просвету между его пальцами и рванула руку вниз. Ткань жакета натянулась, шов больно врезался в кожу — и захват разомкнулся.

Артур от неожиданности разжал пальцы и отшатнулся на шаг назад, потрясенно уставившись на собственную руку.

Я поставила поднос в нишу и защелкнула фиксатор. Сняла со стены трубку внутренней связи, доложила командиру о нападении и услышала: «Стоим. Предупреждай: еще одна выходка — возвращаемся на стоянку». Лера достала из служебной тумбы папку с бланками и записывала время происшествия.

Щелчок тумблера громкой связи прозвучал в салоне подобно удару бича.

Мой голос пошел по всему салону. Артур дернулся к трубке — и остановился, услышав собственную фамилию из потолочного динамика. Теперь разговор слушали все.

— Внимание экипажа и пассажиров. Говорит старший бортпроводник воздушного судна Светлова. Фиксирую факт грубейшего нарушения Федеральных авиационных правил и правил поведения пассажиров на борту воздушного судна.

Артур застыл, словно его огрели дубиной по затылку. Дружки в салоне вытянули шеи, онемев от происходящего.

— Гражданин Кречетов Артур Дмитриевич, — продолжала я, глядя на Артура, пока Лера заполняла шапку акта, — находясь на борту воздушного судна во время движения по аэродрому, самовольно расстегнул привязные ремни, проигнорировал включенное световое табло безопасности и вошел в служебную зону кухни. Своими умышленными действиями пассажир создал непосредственную угрозу безопасности экипажа и судна, применил физическую силу к старшему бортпроводнику при исполнении служебных обязанностей и спровоцировал аварийный пролив горячей жидкости при экстренном торможении самолета.

— Ты... ты что несешь, сумасшедшая?! — прохрипел Артур, делая шаг к микрофону, но я выставила вперед раскрытую ладонь, останавливая его на дистанции вытянутой руки.

— Пассажиру Кречетову объявляется официальное предупреждение командира воздушного судна! — отчеканила я в микрофон, и мой голос эхом раскатился по всему самолету. — Предупреждаю вас под аудиозапись бортового речевого самописца. Если вы сию секунду не прекратите хулиганские действия, не займете кресло номер один и не зафиксируете привязные ремни, командир воздушного судна Степан Ильич разворачивает борт обратно на стоянку номер четырнадцать.

Я сделала короткую паузу, чтобы каждое слово впечаталось в его сознание.

— По прибытии на стоянку трап будет подан для наряда линейного отдела транспортной полиции аэропорта Внуково. Пассажир Кречетов будет снят с рейса, задержан в административном порядке за нападение на экипаж и создание угрозы безопасности полетов с внесением в единый черный список дебоширов гражданской авиации. Время на исполнение законного требования экипажа — пять секунд.

В салоне повисла такая тишина, что стало слышно, как в вентиляционной решетке шуршит пылинки.

Вадим в глубине салона не выдержал первым. Он согнулся пополам, зажал рот обеими руками, но из его горла все равно вырвался сдавленный, хрюкающий, безудержный хохот. За ним захихикали остальные парни. Картина была неопишуемой. Грозный миллиардер, гроза деловой Москвы, стоял посреди салона в облитом оранжевой жидкостью пиджаке, с ягодами на часах, прилюдно раскатанный в лепешку хрупкой девушкой в темно-синей форме.

Артур тяжело, прерывисто дышал.

Его лицо из багрового стало пепельно-серым от запредельного унижения. Он перевел взгляд с микрофона на мои глаза, пытаясь найти в них хоть малейший намек на блеф или страх. Но в моих глазах горела абсолютная, несокрушимая правда человека, защищающего

свой корабль и свое небо. Он понял, что я не блефую. Я действительно передам командиру, что предупреждение проигнорировано, и через десять минут его, великого Артура Кречетова, под белы ручки поведут полисмены перед камерами всего терминала Внуково-три.

Сдавленный рык вырвался из его груди.

Резко развернувшись, Артур тяжело прошагал на свое место. Он с размаху рухнул в кожаное кресло, с яростным щелчком застегнул замок привязного ремня и затянул его на поясе с такой силой, будто собирался перерезать себя пополам.

Затем он поднял на меня потемневшие, горящие черным пламенем глаза.

— Ты заплатишь за каждую каплю, стюардесса, — процедил он сквозь зубы так, чтобы слышала только я. — Клянусь тебе, ты горько пожалеешь, что вообще родилась на свет.

Я аккуратно повесила трубку громкой связи на место, расправила манжеты жакета и повернулась к нему.

— Приятного полета, господин Кречетов. — Я проверила, что ремень застегнут, и оставила последнее слово за щелчком его замка.

Глава 4

Набор высоты прошел в плотном, звенящем напряжении, от которого воздух в салоне казался наэлектризованным до предела.

Степан Ильич вел тяжелый лайнер сквозь слоистую московскую облачность с ювелирной точностью. Самолет плавно пробивал серую хмарь, пока наконец на высоте десять тысяч метров не вынырнул в ослепительное, бескрайнее царство вечного солнца и пронзительной лазури.

Когда над головой погасло световое табло привязных ремней, я снова натянула белые перчатки и вышла в салон.

Артур сидел в первом кресле, скрестив руки на груди. Он успел снять испорченный пиджак и бросить его на пол под ноги, оставшись в тонкой белоснежной сорочке. Пятно от облепихового сока на ткани рубашки казалось меньше, но все равно горело яркой несмываемой меткой его публичного фиаско. Его серые глаза неотрывно следили за каждым моим шагом. В этом взгляде уже не было ленивой вальяжности. Там клокотала тяжелая, ядовитая смесь уязвленного мужского самолюбия и темного, навязчивого любопытства.

Вадим и двое других парней старательно делали вид, что увлечены просмотром биржевых котировок на экранах планшетов, но я видела, как подергиваются их губы от сдерживаемого смеха.

— Желаете напитки, господа? — ровным, профессионально поставленным голосом поинтересовалась я, останавливаясь у центрального прохода. — Могу предложить свежесваренный кофе, минеральную воду или охлажденные соки.

— Мне двойной эспresso, — подал голос Вадим, бросив на Артура насмешливый косой взгляд. — И, пожалуйста, без ягодных сюрпризов. А то некоторые у нас сегодня слишком ярко нарядились к деловому обеду.

Артур скрипнул зубами с такой силой, что звук донесся до середины салона.

— Заткнись, Вадим, — бросил он глухо. Затем повернулся ко мне, прищулив серые глаза. — Черный кофе. Без сахара. И попробуй разлить хоть каплю, Светлова.

— Черный, без сахара, — повторила я. — И на столик, господин Кречетов. Так у нас обоих больше шансов на приятное утро.

Я вернулась в галлей, приготовила напитки на индукционной кофемашине и выставила тяжелые фарфоровые чашки на серебряный поднос.

Следующий час превратился в негласную дуэль двух железных характеров. Артур искал малейший повод, чтобы сломать мое спокойствие. Он демонстративно придирался к температуре подачи минеральной воды, требовал заменить салфетку, просил перенастроить зональный климат-контроль салона на два градуса теплее, а через десять минут — на два градуса холоднее.

Каждое его распоряжение я выполняла молча, безупречно, со скоростью и грацией перwokлассного специалиста. Моя осанка оставалась царственной, взгляд — ясным и прямым. Ни тени смущения, ни намек на заискивание. Чем больше он пытался давить своим статусом и авторитетом, тем отчетливее чувствовал, что его миллиарды здесь, на эшелоне триста шестьдесят, не производят ни малейшего впечатления.

В Минеральных Водах мы приземлились точно по расписанию.

Пока гости на два часа уезжали на служебном вертолете в горы на закрытые переговоры, мы с Лерой провели полную санитарную уборку салона, заменили текстиль и заправили баки свежей водой. Обратный вечерний рейс в Москву прошел в еще более давящем молчании. Артур больше не пил чай. Он сидел у темного иллюминатора, пил ледяную воду маленькими глотками и не сводил с меня тяжелого, буравящего взгляда, в котором зрел какой-то холодный и расчетливый план.

Около десяти часов вечера колеса «Челленджера» мягко коснулись мокрой полосы Внуково.

Послеполетные процедуры заняли еще добрых сорок минут. Я лично проконтролировала выгрузку элитного багажа, заполнила полетный лист, проверила закрытие бортовых люков и передала опечатанный самолет сменной бригаде авиационных техников.

Из служебного выхода перрона я шагнула в длинную стеклянную галерею вип-терминала Внуково-три.

Мое темно-синее форменное пальто было застегнуто на все пуговицы, летная сумка из плотной черной кожи мерно покачивалась на плече. Тело гудело от физической усталости после долгого рабочего дня, но на душе было странно спокойно. Я выстояла. Я защитила честь экипажа, свой самолет и свои правила.

Чтобы сдать контрольный полетный лист, мне нужно было пройти мимо закрытого лаунджа для владельцев воздушных судов за тонированными витражами из темного стекла.

Проходя мимо полуоткрытых стеклянных дверей, я невольно затормозила шаг, услышав знакомый раскатистый мужской голос.

За центральным столиком сидели двое. Артур и Вадим.

Перед ними стояла початая бутылка коллекционного шотландского виски и два тяжелых хрустальных стакана. Артур уже избавился от испачканной рубашки, сменив ее на черную спортивную футболку, которую ему, видимо, привез водитель из машины. Но его лицо оставалось темным и напряженным.

Вадим вальяжно откинулся на спинку дивана, крутя в пальцах пузатый стакан со льдом. На его губах играла та самая ядовитая, издевательская ухмылка, которую я видела утром на трапе.

— Признай это, Артурчик, — громко, с неприкрытым смаком произнес Вадим, и его слова отчетливо долетели до меня через приоткрытую створку. — Тебя сегодня втоптали в грязь. Прилюдно, со вкусом, перед всем твоим ближним кругом! Великий покоритель женских

сердец, хозяин авиационных парков и гроза столичного бизнеса сидел смирно, прижав уши, как нашкодивший пацан!

Артур медленно поднял на него тяжелый взгляд, в котором блеснула опасная искра.

— Закрой пасть, Вадим. Ты сам прекрасно видел, что там действовали инструкции.

— Инструкции? — Вадим запрокинул голову и зашелся громким, издевательским хохотом. — Ты серьезно лепишь мне про инструкции?! Да она на тебя посмотрела как на пустое место! Как на грязь под своими каблуками! Твое хваленое мужское обаяние, перед которым якобы не может устоять ни одна светская львица Москвы, разбилось о простую девчонку в служебной форме! Ты для нее просто наглый пассажир, которого она чуть не сдала ментам! Ты пустое место, Артур. Твоя власть заканчивается ровно там, где женщине наплевать на твои бабки!

Я увидела, как пальцы Артура, державшие стакан, побелели от страшного напряжения. Стекло жалобно хрустнуло.

— Я могу сломать любую гордость, — глухо, с леденящей яростью произнес Кречетов. — И ее сломаю. Она просто строит из себя неприступную королеву, потому что привыкла пугать мужиков служебными инструкциями.

— Да брось ты хорохориться! — Вадим подался вперед всем корпусом, его глаза азартно блеснули зеленым охотничьим огнем. — Ты не сможешь к ней даже подойти. Она пошлет тебя на три веселых буквы при первой же попытке! Слабо доказать обратное на деле?

— Что ты несешь? — нахмурился Артур.

— Спорим! — Вадим со стуком опустил стакан на гранитный столик. — Прямо здесь и сейчас. Настоящий мужской спор на максимальную ставку, от которой у тебя перехватит дыхание!

В воздухе между ними повисло тягучее, опасное электричество. Я замерла в тени колонны, не смея шевельнуться. Сердце почему-то тревожно забилось где-то у самого горла.

— Какая ставка? — холодно спросил Артур.

Вадим хищно прищурился.

— Твой новенький гоночный вертолет Белл. Тот самый, который тебе собирали по персональному заказу на заводе в Техасе за два миллиона долларов. Черный глянec, форсированный газотурбинный двигатель, титановый винт. Ты ждал его поставки полгода и хвастался им на всех приемах.

Артур замер. Даже в полумраке лаунжа было видно, как напряглись его плечи.

— А с твоей стороны? — процедил он сквозь зубы.

— А я ставлю всю свою тридцатипроцентную долю в нашем совместном вертолетном клубе в Мячково, — без колебаний выпалил Вадим. — Плюс признаю тебя безоговорочным победителем во всех наших давних гоночных спорах.

— Каковы условия? — голос Артура звучал сухо, словно шелест наждачной бумаги по металлу.

— Ровно тридцать дней, — отчеканил Вадим, выставив указательный палец. — Ровно тридцать дней с сегодняшнего утра. Твоя задача — заставить эту неприступную стюардессу с золотыми крыльями капитулировать. Она должна добровольно прийти к тебе, сломать свою дурацкую гордость, забыть про все свои служебные регламенты и прилюдно назвать тебя своим единственным мужчиной. Если через месяц она будет целовать твои руки и признаваться в любви — вертолетный клуб твой. Если она снова пошлет тебя к черту и останется стоять на своих правилах — новенький гоночный вертолет Белл за два миллиона долларов улетает на мою вертолетную площадку. Ну что, трусил, великий пилот? Или докажешь, что ты стоишь больше, чем твой облитый чаем пиджак?

На лице Артура отразилась яростная, хищная внутренняя борьба.

Его самолюбие, растоптанное утренним происшествием в салоне, требовало немедленного реванша любой ценой. Для него этот вызов стал вопросом жизни и смерти, вопросом доказательства собственного превосходства перед всем его надменным миром.

Артур медленно поднялся с дивана. Его фигура на фоне ночных огней аэродрома казалась монолитной и беспощадной.

— По рукам, Вадим, — произнес он низким, гулким голосом. — Тридцать дней. Ровно через месяц эта гордая птичка будет есть у меня с ладони. Готовь документы на отчуждение своей доли в клубе.

Они с размаху ударили по рукам, скрепляя циничную сделку тяжелым мужским рукопожатием.

Глава 5

Я стояла за темным стеклом галереи, чувствуя, как внутри все холодеет от омерзения и ярости.

Через приоткрытую дверь я слышала каждое слово — и цену вертолета, и срок. Когда они ударили по рукам, Вадим повернулся к галерее, заметил мой силуэт и салютовал стаканом. Артур тоже посмотрел в мою сторону. Я осталась на месте, чтобы оба видели: прятаться я не собираюсь.

Они заключили сделку на меня.

Два пресыщенных богатых бездельника решили устроить охоту на человека честного труда, решив, что за деньги и статус можно сломать чужую волю и растоптать профессиональную гордость.

Пальцы мои сжались на ремне летной сумки с такой силой, что побелела кожа на костяшках. Дыхание перехватило от ледяной волны чистой, яростной ненависти.

Вы ошиблись с добычей, господин Кречетов.

Вы можете ставить на кон свои миллионы, вертолеты и компании. Но небо научило меня главному правилу выживания. Высота ломает тех, кто переоценивает свои силы и забывает смотреть на показания приборов.

Я вздернула подбородок, развернулась на каблуках и твердым, уверенным шагом направилась к диспетчерской стойке.

Битва только начиналась.

Утреннее солнце следующего дня с трудом пробивалось сквозь плотную свинцовую пелену низких подмосковных облаков.

Я вошла в служебный корпус сектора деловой авиации ровно в восемь утра, готовая к плановому предполетному медицинскому контролю перед вылетом в Санкт-Петербург. На мне

был свежий, безукоризненно отглаженный форменный костюм, золотые пуговицы начищены до зеркального блеска, волосы уложены волосок к волоску. Однако привычный рабочий ритм сломался прямо на пороге медицинского кабинета.

Ко мне торопливо подошла дежурный диспетчер смены, пряча взволнованный взгляд.

— Полина, тебя срочно требует к себе генеральный директор, — шепотом произнесла она, оглядываясь по сторонам. — Виктор Сергеевич ждет на третьем этаже прямо сейчас. Бросай полетные листы, там назревает грандиозная гроза.

Я коротко поблагодарила девушку и поднялась по широкой гранитной лестнице в административное крыло.

На третьем этаже я замедлила шаг у таблички директора. Провела большим пальцем по болезненному месту на предплечье, опустила рукав и вошла.

Приемная генерального директора управляющей компании «Авиа-Альянс» тонула в тяжелой, напряженной тишине. Секретарша в строгом сером костюме лишь молча указала мне рукой на массивную дверь из мореного дуба, даже не осмелившись поднять глаза от монитора.

Я толкнула тяжелую створку и перешагнула порог.

Кабинет Одинцова поражал размахом классической директорской роскоши. Огромные окна с видом на стоянки бизнес-джетов, стены, обшитые темными панелями ценных пород дерева, витрины с точными масштабированными моделями правительственных и частных самолетов.

За массивным рабочим столом с зеленой кожаной вставкой сидел сам Виктор Сергеевич Одинцов.

Обычно представительный мужчина с безупречной сединой сейчас выглядел совершенно раздавленным. Его галстук был нервно ослаблен, лоб блестел от капель пота, а пальцы судорожно комкали салфетку.

Но мое внимание мгновенно приковала другая фигура.

В глубоком кожаном кресле для почетных гостей, небрежно закинув ногу на ногу и повернувшись лицом к панорамному окну, сидел Артур Кречетов.

На нем был надет безупречный темно-синий блейзер из тонкой итальянской шерсти с матовыми серебряными пуговицами, белоснежная рубашка и темные брюки. Ни единого следа вчерашней оранжевой катастрофы. На столике рядом с его локтем дымилась крошечная чашечка эспresso. В одной руке он лениво покачивал золотую перьевую ручку, а в его серых глазах застыло ледяное, расчетливое торжество хищника, терпеливо дождавшегося жертву в заранее подготовленном капкане.

— Доброе утро, Виктор Сергеевич. — Я остановилась у стола. Директор смотрел мимо меня, на Артура. — Вы вызывали меня?

Одинцов тяжело сглотнул, поднял на меня воспаленные глаза и нервно откашлялся в кулак.

— Проходи, Светлова. Присаживайся. Разговор у нас предстоит крайне серьезный и, прямо скажем, выходящий за рамки стандартных трудовых отношений.

— Я постою, спасибо. — До предложенного кресла было два шага. Я осталась у стола. — Докладываю. Вчерашний рейс номер сто двадцать четыре по маршруту Внуково — Минеральные Воды — Внуково выполнен успешно, без авиационных инцидентов в воздухе. Полетный лист сдан, замечаний по техническому состоянию салона нет.

— Нет замечаний?! — внезапно сорвался на визгливый фальцет директор, с размаху шлепнув ладонью по столу. — Ты в своем уме, Светлова?! Ты понимаешь, что ты вчера устроила на рулежной дорожке прямо под носом диспетчеров аэропорта?! На столе лежит официальная претензия от нашего генерального стратегического партнера! Ты облила кипятком господина Кречетова! Ты угрожала снять его с борта транспортной полицией! Ты применила

физическую силу к человеку, чей холдинг финансирует восемьдесят процентов наших лизинговых программ!

Я даже бровью не повела. Мой взгляд оставался прямым, честным и непоколебимым.

— Я действовала в строгом соответствии со статьями Воздушного кодекса и Федеральных авиационных правил, Виктор Сергеевич. Пассажир грубо нарушил режим безопасности при движении воздушного судна, проигнорировал табло пристегните ремни, ворвался в служебную зону и применил силу к экипажу. Мой доклад прозвучал по внутренней связи. Лера видела происшествие и составила акт. Если бы нарушение продолжилось, при следующем торможении пассажир мог получить тяжелую травму, а авиакомпания понесла бы тяжелейшую юридическую ответственность за травму на борту.

Одинцов побагровел, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

— Замолчи! Хватит прикрываться своими инструкциями! Ты забыла, в какой сфере работаешь?! Это бизнес-авиация! Здесь клиенты платят миллионы за то, чтобы чувствовать себя богами, а не выслушивать нравоучения от обслуживающего персонала! Твоя карьера окончена, Полина. Я прямо сейчас подписываю приказ об увольнении по статье за грубое нарушение профессиональной этики!

— Не торопись, Виктор Сергеевич, — раздался из угла комнаты низкий, бархатный, ленивый голос.

Артур медленно повернул голову, отставил чашечку с кофе на гранитный столик и поднялся во весь свой немалый рост.

Он подошел к столу мягкой, пружинистой походкой хищного барса, засунув одну руку в карман брюк, а другой поигрывая тяжелой золотой ручкой. Его холодный насмешливый взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах и снова поднялся к глазам, пытаясь нащупать хоть малейшую трещину в моей броне.

— Уволить старшего бортпроводника Светлову — это слишком простое и скучное решение, — с легкой полуулыбкой произнес Кречетов. — Выгнать ее на улицу значит признать, что вчера на борту произошел банальный скандал, который невозможно исправить профессиональными методами. А я не люблю признавать поражения.

Одинцов растерянно моргнул, переводя недоуменный взгляд с олигарха на меня.

— Но Артур Дмитриевич... вы же сами требовали самых жестких мер!

— Я требовал справедливости, — мягко парировал Артур, не сводя с меня глаз. — И я ее получу. Но на моих собственных условиях.

Он обошел стол, остановившись напротив меня на расстоянии полутора метров. От него снова пахло холодным утренним ветром, дорогим табаком и горьким сандалом. В его взгляде светился бешеный, азартный огонь игрока, который уже расставил все фигуры на доске и готовился сделать свой первый сокрушительный ход.

— Светлова считает себя непревзойденным мастером небесных регламентов, — продолжил Артур, и в его голосе зазвенели стальные нотки. — Она гордится своей безупречной службой и презирает тех, кто летает в качестве пассажиров. Что ж, я готов предоставить ей возможность доказать свой профессионализм на самом высоком уровне.

— О чем вы говорите? — холодно спросила я.

Артур положил на полированное дерево передо мной плотную папку из тисненой синей кожи с золотым тиснением личного авиационного флота.

— Мой флагманский бизнес-джет «Челленджер» базируется здесь же, во Внуково-три. Это мой персональный борт для личных и деловых перелетов. Прежняя бригада бортпроводников расформирована в связи с переходом на другие суда. Я предлагаю тебе занять должность персонального старшего бортпроводника моего личного борта. Срочный контракт ровно на тридцать дней.

В кабинете повисла гулкая тишина.

Я смотрела на синюю кожаную папку, и перед моим внутренним взором мгновенно всплыла вчерашняя сцена в ночном лаунже.

Тридцать дней. Тот самый срок, который отмерил ему Вадим в их подлом споре.

Артур хотел запереть меня в золотую клетку своего персонального самолета. Он рассчитывал получить надо мной безраздельную власть в воздухе, сломать мою гордость постоянными придирами, унижениями и своим мажорским обаянием, чтобы за месяц заставить меня капитулировать и выиграть свой драгоценный гоночный вертолет Белл.

— Я отказываюсь, — отчеканила я, не прикасаясь к папке. — Я работаю на линейных заказных рейсах авиакомпании согласно утвержденному трудовому графику. Работа личной прислуги на частном борту меня не интересует.

Глава 6

На лице Артура не дрогнул ни один мускул. Его губы лишь изогнулись в еще более ядовитой, торжествующей усмешке.

— Я знал, что ты это скажешь, Светлова. Твоя гордость предсказуема до зевоты. Но у медали всегда есть обратная сторона. Виктор Сергеевич, напомните нашей принципиальной сотруднице о судьбе командира вчерашнего экипажа.

Одинцов тяжело вздохнул, опустив глаза в стол, словно ему было невыносимо стыдно смотреть мне в лицо.

— Понимаешь, Полина... — глухо заговорил директор, теребя пальцами край папки. — Вчерашнее экстренное торможение на рулежной дорожке зафиксировано службой безопасности полетов аэропорта. Командир воздушного судна Степан Ильич Воронов не обеспечил должного визуального контроля за движением спецтехники и применил опасное резкое торможение без предварительного оповещения салона. Холдинг господина Кречетова имеет полное юридическое право расторгнуть генеральный договор лизинга с нашей компанией за систематические нарушения летных стандартов.

Я почувствовала, как по спине пробежал ледяной холодок.

— Степан Ильич спас самолет от столкновения с бензовозом! — мой голос дрогнул от с трудом сдерживаемого бешенства. — Он действовал безупречно!

— Формально в акте можно записать любую трактовку, — цинично вставил Артур, не повышая голоса. — И если эта бумага пойдет в Федеральное агентство воздушного транспорта с моей визой, твой любимый седой наставник вылетит из авиации за двадцать четыре часа. Без летного свидетельства, без права на капитанскую пенсию и без выходного пособия. В пятьдесят пять лет он пойдет сторожем на платную парковку в спальном районе. Ты ведь знаешь, сколько ему оставалось до льготного стажа? Ровно три месяца.

Они били по самому больному. Степан Ильич учил меня профессии, защищал от придирок начальства, а дома его ждала тяжелобольная жена, на лекарства которой уходила половина летной зарплаты. Сломать судьбу честному пилоту ради своей прихоти — такова была цена мажорской спеси.

Я перевела взгляд на Артура.

Он стоял передо мной, уверенный в своей безнаказанности, сытый, холеный хищник, привыкший покупать людей оптом и в розницу. Он ждал, что я расплачусь, начну умолять о пощаде или рухну перед ним на колени, как он требовал вчера в салоне.

Но вместо слез внутри меня вспыхнуло чистое, яростное, ослепительное пламя.

Холодная сталь заполнила вены. Если этот самоуверенный мажор думает, что загнал меня в ловушку, он глубоко заблуждается. Он сам вошел в грозовой фронт без включенного локатора.

— Хорошо, господин Кречетов, — произнесла я ледяным голосом, от которого даже Одинцов испуганно вжал голову в плечи. — Я принимаю ваше назначение на тридцать дней. Но вы подпишете мои встречные условия. Прямо сейчас. В моем присутствии.

Артур изумленно вскинул брови. В его глазах мелькнула искра неподдельного шока. Никто и никогда не смел выдвигать ему ультиматумы в его собственном кабинете.

— Встречные условия? — переспросил он с опасным прищуром. — Ты торгуешься со мной, Светлова?

— Я не торгуюсь, я устанавливаю правила полета, — отрезала я.

Я придвинула к себе чистый бланк. Одинцов потянулся его забрать, но под взглядом Артура убрал руку. Моя ручка заскользила по бумаге: теперь они оба ждали, что я напишу.

— Пункт первый, — чеканила я вслух каждое слово, выводя ровные строчки. — На борту вашего воздушного судна я являюсь старшим бортпроводником, отвечающим за безопасность полетов. Мои распоряжения в части соблюдения Федеральных авиационных правил являются абсолютными и обязательными для всех лиц на борту, включая владельца судна. Никаких горячих напитков на рулении, никакого хождения по салону при горящем табло, никакого вмешательства в работу пилотов.

Артур молча слушал, скрестив руки на груди, его челюсти едва заметно сжались.

— Пункт второй, — продолжала я, не поднимая головы. — Правило строгой физической дистанции вытянутой руки. Никаких личных контактов, никаких попыток сокращения дистанции вне рамок профессионального сервиса, никаких светских разговоров и двусмысленных намеков. Отношения строятся исключительно по схеме заказчик и старший бортпроводник. Любая попытка нарушить эти границы расценивается как нападение на экипаж с немедленной фиксацией в бортовом журнале.

— Ты слишком много на себя берешь, девочка, — глухо бросил Артур, но в его голосе теперь отчетливо звенел дикий, обжигающий азарт хищника, встретившего равного противника.

— Пункт третий, — я поставила жирную точку и подняла на него немигающий взгляд. — Ваш холдинг сейчас отзывает претензию к командиру Воронову. Его работа и летный пакет перестают быть залогом в наших отношениях. Иначе никакого контракта.

— И последнее, — я подвинула к нему бланк. — Хотите проверить мою работу? Месяц будете делать ее рядом со мной. Наземная подготовка, сервис, занятия по оборудованию салона. Допуски оформит компания. На смене вы мой стажер, а не хозяин.

Одинцов уронил ручку. Артур посмотрел на него, потом на меня.

— Думаешь, сбегу от грязной посуды? — Он придвинул соглашение. — Оформляйте. Посмотрим, кто устанет первым.

Я положила лист на полированное дерево прямо перед ним и опустила сверху ручку.

— Подписывайте, господин Кречетов. Или подавайте жалобу прямо сейчас, и мы встретимся в суде с актом и свидетельскими показаниями. Посмотрим, как отреагирует пресса на новость о том, как миллиардер устроил дебош на рулежке и облился собственным чаем из-за грубого нарушения правил безопасности.

В кабинете повисла такая плотная тишина, что было слышно, как за окном на далекой полосе заходит на посадку тяжелый грузовой борт.

Одинцов сидел ни жив ни мертв, бледный как полотно.

Артур медленно подошел к столу. Его взгляд скользил по четким, острым строчкам моего почерка. Он читал каждое слово, и на его холеном породистом лице медленно расцветала хищная, опасная, торжествующая улыбка.

Он не испугался. Этот вызов опьянил его сильнее любого коллекционного виски. Он увидел перед собой женщину, которую невозможно было купить подарками или запугать угрозами. Крепость, которую предстояло штурмовать по всем правилам военного искусства.

— Тридцать дней, Светлова, — негромко произнес он, глядя мне прямо в душу своими серыми, как грозовое небо, глазами. — Ровно тридцать дней. Посмотрим, чьи правила окажутся прочнее на высоте одиннадцать тысяч метров.

Артур взял ручку и размашистым, хищным росчерком поставил свою подпись внизу листа.

Затем повернулся к директору.

— Заверьте печатью компании, Виктор Сергеевич. И подготовьте личный борт к вылету на завтрашнее утро. Мы летим в Сочи на закрытый экономический форум.

Я молча взяла свой экземпляр подписанного документа, аккуратно сложила его вдвое и убрала во внутренний карман жакета, прямо под золотые крылья на лацкане.

— Честь имею, господа, — отчеканила я, коротко кивнула и развернулась к выходу.

Спустя пять минут я вышла на бетонный перрон сектора Внуково-три.

Холодный осенний ветер ударил мне в лицо, разметаив светлые пряди у висков. Вдалеке, на персональной стоянке номер один, в лучах пробивающегося сквозь тучи солнца ослепительно сиял белый «Челленджер» Кречетова с золотым соколом на киле.

Таймер на тридцать дней был запущен.

Впереди меня ждал месяц беспощадной высоты, адреналина и борьбы за собственную душу. Но я знала одно наверняка. Мои крылья сделаны из чистой стали, и сломать их не удастся никому на этом свете.

Глава 7

В пять утра над летным полем правительственного и делового терминала Внуково-3 висела сизая октябрьская сырость. Влажный асфальт перрона блестел в свете высоких прожекторовных мачт, отражая длинные цепочки синих и желтых рулежных огней. Пахло сырым бетоном, сгоревшим авиационным керосином, озоном от прогреваемых генераторов и тем особым предрассветным холодом, который пробирает до костей даже в плотном форменном пальто.

Я стояла у трапа тяжелого дальнемагистрального бизнес-джета, чувствуя привычную приятную тяжесть планшета в левой руке. Моя темно-синяя форма с золотыми пуговицами, украшенными тиснением в виде распростертых крыльев, сидела безукоризненно, подчеркивая строгую осанку. Шелковый платок с золотистым кантом был завязан по уставу, волосы собраны в идеальный гладкий узел на затылке. Ни одна прядь не смела выбиться на холодном ветру. За восемь лет в авиации я привыкла отвечать за каждую деталь. В воздухе нет мелочей, на высоте десять тысяч метров любая оплошность превращается в смертельную ловушку.

У основания трапа с тихим шипением пневматических тормозов замер сверкающий черный представительский седан. Водитель в фуражке выскочил наружу, распахнул заднюю дверь, и на перрон ступил виновник моей утренней головной боли.

Артур Кречетов собственной персоной.

Позавчера этот самодовольный наследник инвестиционной империи устроил скандал на рулении, облился облепиховым чаем и схватил меня за руку. Вчера попытался запереть на своем борту угрозой увольнения Степана Ильича. Теперь претензия к командиру была отозвана, а у меня в планшете лежало подписанное соглашение. Кречетов сам согласился месяц работать в салоне под моим руководством. Хотел подобраться ближе — получил ведро, инструктаж и расписание смен. Я видела подпись и все равно ждала, что он передумает.

Вот только небо играет по своим законам, и здесь командовала я.

Артур неторопливо шагал ко мне по мокрому бетону. Распахнутое кашемировое пальто цвета графита стоило больше, чем весь мой годовой оклад. Под ним белела тонкая шелковая рубашка с расстегнутым воротом, открывавшим крепкую шею, а на ногах красовались дизайнерские кожаные ботинки, абсолютно не предназначенные для технической зоны аэродрома. В руках он крутил массивный золотой смартфон последней модели, на запястье поблескивал хронометр из белого золота.

От него веяло ароматом морозного кедра, горького черного перца и той безграничной уверенностью в собственной неотразимости, от которой у наивных девушек обычно подкашиваются колени.

Его темные глаза скользнули по моей фигуре, губы изогнулись в насмешливой, ленивой улыбке.

— Доброе утро, старший инструктор, — протянул он своим глубоким бархатным баритоном, остановившись в метре от меня. — Погода не балует, но вид на трапе определенно скрашивает ранний подъем. Я готов украсить этот рейс своим присутствием. Куда мне пройти, чтобы выпить кофе и пролистать свежую прессу перед взлетом?

Я медленно опустила взгляд на его полированную обувь, затем посмотрела прямо в его наглые глаза. Мое лицо оставалось абсолютно непроницаемым.

— На перроне действуют правила авиационной безопасности, стажер Кречетов, — отчеканила я ровным, металлическим голосом. — В служебной зоне запрещено находиться в расстегнутой верхней одежде, без светоотражающего жилета и без персонального пропуска с электронным чипом. Вы опоздали на предполетный инструктаж ровно на семь минут.

Артур тихо усмехнулся, убрал смартфон в карман пальто и шагнул ближе. Расстояние между нами сократилось до полуметра. До меня донеслось тепло его тела и терпкий древесный запах, заставивший сердце предательски кольнуть, но я даже бровью не повела.

— Бросьте эту показную строгость, Полина, — произнес он с мягкой хрипотцой, наклоняясь чуть ближе. — Мы оба понимаем, зачем я здесь. Вам выделили личного миллиардера в помощники. Большинство женщин на вашем месте уже выбирали бы столик в хорошем ресторане, а вы продолжаете играть в неприступную снежную королеву. Семь минут ничего не решают. Диспетчеры все равно ждут моей отмашки.

— Семь минут на взлетно-посадочной полосе — это разница между безаварийным уходом на второй круг и катастрофой, — отрезала я, делая шаг назад и выдерживая дистанцию вытянутой руки. — А здесь команду я, гражданин стажер. Вы подписали типовой контракт на тридцать дней, где черным по белому закреплено ваше полное подчинение старшему бортпроводнику. Хотите остаться на борту — соблюдайте регламент. Желаете продолжить цирк — садитесь обратно в свой лимузин и катитесь в ночной клуб.

Улыбка на его красивом лице слегка потускнела. В темных зрачках блеснула первая искра уязвленного самолюбия. Он явно рассчитывал, что при личной встрече без свидетелей я ступуюсь и сдам позиции.

— Хорошо, — процедил он, с легким вызовом вскинув подбородок. — Играем по вашим правилам. С чего начнем великое служение отечественной авиации?

— С предмета, который вам будет мешать. — Я раскрыла контейнер с красной пломбой и подставила ему. — Смартфон.

Артур моргнул, словно не поверил собственным ушам.

— Что, простите?

— Ваш телефон, — повторила я, не отводя взгляда. — На борту воздушного судна стажер находится на непрерывном дежурстве. Любые персональные средства связи изымаются до момента полной остановки двигателей и открытия дверей в аэропорту назначения. Сдавайте аппарат.

— Полина, у меня на этой трубке завязаны биржевые котировки трех континентов и управление фондом, — в его голосе прорезался откровенный сарказм. — Вы всерьез предлагаете мне остаться без связи на целый день?

— Это условие нашей учебной смены. Либо телефон остается в контейнере, либо практику начинаем после того, как вы закончите дела на земле. Решайте. У вас ровно десять секунд.

Мы замерли друг напротив друга. Холодный октябрьский ветер трепал полы его пальто, вдалеке с нарастающим ревом взлетал тяжелый транспортник, обдавая стоянку волной керосинового выхлопа. Артур сверлил меня яростным, немигающим взглядом. Его широкие плечи напряглись, челюсти сжались так, что под кожей обозначились желваки. Он боролся с бешеным желанием развернуться и уйти, но гордость и проклятый спор не позволяли ему признать поражение в первом же раунде.

С глухим стуком золотой корпус смартфона опустился на дно пластикового короба. Следом туда же полетел бумажник из крокодиловой кожи и связка ключей от спорткара.

— Хронометр тоже снимите, — невозмутимо добавила я. — Будете мыть оборудование — браслет цепляется за пазы. И часы жалко, даже мне.

Артур шумно выдохнул сквозь зубы, расстегнул золотой браслет и швырнул хронометр в контейнер. Я щелкнула крышкой, затянула пластиковую пломбу и расписалась маркером на контрольной ленте.

— Отлично. А теперь надевайте ваше штатное снаряжение.

Я протянула ему ярко-оранжевый сигнальный жилет со светоотражающими полосами, плотный темно-синий фартук с логотипом авиакомпании и упаковку прочных резиновых перчаток.

Вид миллиардера, вынужденного натягивать синтетический оранжевый жилет поверх кашемирового пальто, доставил мне чистое эстетическое наслаждение. Жилет комично топорщился на его мощном торсе, светоотражающие полосы ярко вспыхивали под лучом прожектора. Артур выглядел мрачнее грозовой тучи над Атлантикой, но держал спину прямо.

— Поднимайтесь на борт, — скомандовала я, разворачиваясь к трапу. — Пришло время проверить, насколько глубоки ваши познания в реальной авиации.

Мы поднялись по трапу и вошли в просторный салон бизнес-джета. Внутри царила тишина, пахло дорогой выделанной кожей кресел, полированным ореховым шпоном переборок и легким озоновым шлейфом от системы кондиционирования. На потолочных панелях мягко светились скрытые диодные ленты теплого оттенка.

Артур снял пальто, повесил его в гардеробный шкаф у входа и остался в белоснежной рубашке, подчеркивавшей рельефные мышцы груди и рук. Он самодовольно оправил манжеты и повернулся ко мне, явно намереваясь вернуть инициативу.

— Знаете, Полина, зря вы пытаетесь меня запугать, — произнес он с легкой усмешкой, заложив руки в карманы брюк. — У меня за плечами летная школа, лицензия коммерческого пилота и несколько тысяч часов налета на двухдвигательных машинах. Я знаю устройство этого борта лучше большинства механиков в ангаре. Все эти ваши инструктажи для новичков — пустая трата времени.

— Прекрасно, — холодно отозвалась я, доставая из кармана жакета контрольный чек-лист на жестком планшете. — Пилотировать воздушное судно из закрытой кабины и обеспечивать выживание пассажиров в задымленном салоне — это две совершенно разные профессии. Раз вы претендуете на звание знатока, проведем входной экзамен по аварийно-спасательному оборудованию. Без зачета вы не имеете права даже прикоснуться к сервировочной салфетке.

Артур снисходительно хмыкнул, опершись бедром о край кожаного кресла.

— Валяйте, капитан очевидность. Слушаю ваши вопросы.

— Вопрос первый, — четко начала я, подходя к передней сервировочной зоне. — Возгорание в гардеробном отсеке передней части салона. Ваши действия по протоколу аварийной

безопасности? Назовите тип огнетушителя, точное место его крепления, порядок проверки манометра и пломбы перед вылетом. Время пошло.

Артур на мгновение запнулся. Его уверенная ухмылка дрогнула.

— Огнетушитель... хладоновый. Находится в кабине экипажа под креслом второго пилота.

— Ошибка, стажер Кречетов, — безжалостно припечатала я, ставя жирный минус в бланке. — Пилотский огнетушитель предназначен исключительно для защиты приборной панели и проводки кабины. В пассажирском салоне расположен автономный переносной хладоновый баллон в нише за шторкой гардероба по левому борту. Манометр должен показывать стрелку строго в зеленом секторе, чека опломбирована медной проволокой с свинцовой пломбой текущего квартала. Если вы побежите в кабину за пилотским баллоном, салон наполнится токсичным дымом за сорок секунд. Вы погубите пассажиров.

На его виске дернулась тонкая жилка. Артур выпрямился, убрав руки из карманов.

— Продолжаем, — продолжила я, не давая ему опомниться. — Внезапная взрывная разгерметизация на высоте одиннадцать тысяч метров. Время полезного сознания без кислорода на этом эшелоне? Действия бортпроводника в первые три секунды?

— Время полезного сознания около тридцати секунд, — быстро выпалил он, явно радуясь знакомой теме из летной теории. — Необходимо немедленно надеть маску...

— Чью маску? — резко перебила я, глядя ему прямо в переносицу. — Пассажира в первом ряду или собственную?

— Собственную, конечно. Потом пассажира.

— Этот ответ принят, стажер. — Я отметила плюс. — Только в практике на раздумья времени не будет. Обездвиженный бортпроводник превращается в мертвый груз и блокирует проход. Первое золотое правило авиации гласит. Сначала обеспечить кислородом себя, затем спасай салон. Кислородный баллон постоянной подачи находится в потолочном люке над вашим служебным креслом. Маска надевается одним движением за две секунды, вентиль поворачивается до упора против часовой стрелки.

Артур тяжело сглотнул. На его скулах проступил густой румянец стыда и ярости. Он привык быть хозяином положения, блестящим знатоком и триумфатором, а простая стюардесса раз за разом макала его лицом в элементарные пробелы практической безопасности.

— Теперь перейдем к аварийным выходам и средствам эвакуации, — я шагнула вдоль прохода, вынуждая его следовать за мной. — Где закреплен автономный аварийный радиомаяк? Как перевести селектор надувного трапа в положение готовности? Что делать, если автоматический наддув желоба трапа не сработал после открытия двери наружу?

Глава 8

Артур молчал. Его пальцы сжались в кулаки, темные брови сошлись на переносице. Он перевел взгляд на массивную ручку аварийной двери, затем на потолочные панели, тщетно пытаясь вспомнить схему сервисного обслуживания пассажирского отсека. Пилотов учат пилотировать по приборам и слушать радиообмен, но внутренняя анатомия спасательных систем салона для большинства из них остается темным лесом.

— Я жду ответ, коллега, — я нарочно выделила последнее слово ядовитой интонацией. — Трап заклинило в контейнере, салон заполняется продуктами горения пластика, у вас осталось двадцать секунд до взрыва топливных баков в крыле. Где ручная дублирующая тяга?

— Хватит, — глухо бросил Артур, вскинув горящие темные глаза. — Я не знаю, где эта чертова тяга. Довольны?

— Нет, не довольна, — отрезала я, подходя к аварийному выходу и резко откинув защитную пластиковую крышку в нижнем углу рамы. — Вот она. Красная Т-образная рукоятка ручного отстрела пиропатрона. Дергается с усилием в двадцать пять килограммов на себя и вверх. Сначала изучите оборудование конкретного борта. На одном пилотском опыте в салоне далеко не уедешь.

Мы стояли в узком проходе салона, разделенные едва ли тридцатью сантиметрами пространства. Я видела, как тяжело вздымается его широкая грудь под тонким батистом рубашки, как блестят капли пота у линии его темных волос. От него исходила мощная, почти осязаемая волна подавленного гнева и скрытого, первобытного напряжения. Но в глубине его зрачков вместо привычной сытой надменности я впервые заметила нечто новое.

Там разгоралось настоящее, острое мужское упрямство и вынужденное, горькое уважение к человеку, который знает свое дело до последнего винтика.

— Значит, ставите незачет и выгоняете на перрон? — с вызовом спросил он, глядя мне прямо в губы. Его низкий голос вибрировал от сдерживаемых эмоций. — Побежите докладывать руководству, что великий Кречетов провалил экзамен?

Я выдержала его обжигающий взгляд, не отступив ни на миллиметр. Мое собственное дыхание стало чуть глубже, в груди разгоралось странное, будоражащее тепло, но разум держал оборону железной хваткой.

— Выгонять вас было бы слишком простым подарком, стажер, — усмехнулась я, аккуратно защелкнув крышку аварийного люка. — Вы хотели узнать изнанку нашей профессии? Вы ее узнаете во всех красках. Теорию мы будем зубрить каждый свободный вечер, пока вы не начнете отскакивать от зубов все аварийные параграфы. А прямо сейчас вас ждет практическая наземная подготовка борта к вылету.

Я протянула ему синий рабочий фартук и плотные резиновые перчатки.

— Надевайте, гражданин миллиардер. Наш камбуз и сервировочные тележки ждут своего верного рыцаря со шваброй и моющим концентратом.

Мы перешли в хвостовую часть бизнес-джета, где за плотной звукоизолирующей переборкой располагался основной камбуз. Это царство нержавеющей стали, компактных встроенных модулей и сложной бортовой машинерии на первый взгляд выглядело стерильным и высокотехнологичным. Здесь размещались индукционные печи для разогрева горячего питания, профессиональная бортовая кофемашина, термосы для кипятка, секции охлаждаемых контейнеров и узкие ниши для фиксации сервировочных тележек.

Однако стоило присмотреться ближе, как профессиональный взгляд мгновенно подмечал халатность ночной кейтеринговой службы. Предыдущий чартерный рейс завершился около полуночи, и наемные уборщики выполнили свои обязанности спустя рукава. На хромированной панели кофейного аппарата темнели засохшие капли карамельного сиропа. В углах раковины осели разводы от жесткой воды. На полу перед технологическими нишами виднелись грязные следы от колес тележек, притащивших с перрона мокрый песок и масляную пыль.

Артур остановился на пороге камбуза, оглядывая узкое пространство с видом туриста, случайно забредшего в котельную пятизвездочного отеля.

— Довольно тесно, — заметил он, скрестив руки на груди. — В кабине пилотов эргономика куда более продуманная. И зачем мы здесь? Вы хотите продемонстрировать мне, как работает кнопка включения бойлера?

— Я хочу продемонстрировать вам фундамент безопасности и репутации бизнес-авиации, Кречетов, — ответила я, с глухим щелчком открывая нижний отсек сервировочной стойки. — Пассажиры нашего класса платят десятки тысяч евро за перелет не ради красивого вида из иллюминатора. Они платят за абсолютное доверие. Если важный гость обнаружит на серебряной ложке след чужого пальца или заметит засохшее пятно на полированном борту тележки, разразится грандиозный скандал. Нашу авиакомпанию внесут в черный список, экипаж лишат премиальных, а борт снимут с престижных маршрутов.

Я достала из технического ящика оцинкованное ведро, пару плотных губок, рулоны безворсовых салфеток из микрофибры, специальную пасту для полировки авиационного алюминия и флакон с концентрированным цитрусовым дезинфектантом.

Все это богатство я с металлическим звоном водрузила на откидную столешницу прямо перед носом опешившего мажора.

— Ваш фронт работ на ближайшие два часа, стажер. Полная санитарная обработка камбуза. Первое. Извлечь из ниш все четыре сервировочные тележки и две малые полутележки для напитков. Второе. Разобрать внутренние направляющие, промыть каждый съемный пластиковый лоток теплой водой с антисептиком. Третье. Очистить колесные блоки от намотавшихся ниток коврового и перронной грязи, проверить работу тормозных педалей. Четвертое. Отполировать внешние панели до зеркального блеска. Вопросы?

Артур посмотрел на флакон с лимонным средством, затем перевел взгляд на свои безупречно чистые ладони и замер. В его глазах отразилась целая буря противоречивых чувств, от искреннего изумления до неприкрытого возмущения.

— Вы издеваетесь, Полина? — его голос упал почти до шепота, но в нем зазвенели опасные стальные нотки. — Я управляю инвестиционным холдингом с миллиардным оборотом. Моя семья владеет долями в промышленных верфях и парком авиационной техники. Вы все-ррез требуете, чтобы я встал на четвереньки и драил колеса сервировочной тележки мыльной тряпкой?

— У вашей тележки колесо грязное, Кречетов. — Я указала на черный комок у оси; он проследил за моим пальцем. — Здесь вы стажер с испытательным сроком в тридцать дней. Вы сами навязали свое присутствие руководству компании, подписали трудовое соглашение и согласились на беспрекословное выполнение распоряжений инструктора. Или ваш двухмиллионный гоночный гонор тает от одного вида мыльной пены?

При слове «гоночный» он поднял голову. Я выдержала его взгляд: пусть вспомнит, зачем затеял эту работу. Артур сжал зубы так крепко, что у него дернулись скулы. Он понял, что отступить сейчас означает расписаться в собственной беспомощности и признать, что за громкими словами и пафосом золотого мальчика нет ничего, кроме раздутого эго.

— Прекрасно, — выдохнул он, медленно разворачивая синий клеенчатый фартук. — Давайте сюда ваш инвентарь. Посмотрим, чье терпение лопнет раньше.

Он перекинул тесьму фартука через голову, ловким движением завязал шнурки на поясе и натянул синие резиновые перчатки. Белоснежные манжеты шелковой рубашки он закатал до самых локтей, обнажив мускулистые, покрытые коротким темным волосом предплечья с отчетливо проступающими упругими венами. Я невольно отметила, насколько сильными и крепкими выглядели его руки. В них не было рыхлости праздного бездельника, чувствовались регулярные тренировки и привычка удерживать штурвал в плотных слоях атмосферы.

Но любоваться стажером времени не было. Работа на борту требовала предельной жесткости.

— Начинайте с крайней правой тележки, — приказала я, скрестив руки на груди и встав в дверном проеме.

Артур наклонился, нажал ногой на зеленую педаль разблокировки тормоза и с силой потянул за массивную хромированную ручку. Тележка, сделанная из прочного авиационного сплава и весившая пустой добрых тридцать килограммов, выкатилась на резиновый рифленый настил камбуза с глухим металлическим грохотом.

— Осторожнее с направляющими, — бросила я замечание. — Заденете декоративную панель переборки, ремонт шпона спишут из вашей стажерской зарплаты.

— Моя стажерская зарплата не покроет даже стоимости одной пуговицы на моем пальто, — огрызнулся Артур, опускаясь на одно колено прямо на темный настил.

Он намочил губку в ведре, плеснул на нее щедрую струю дезинфектанта и с ожесточением принялся тереть верхнюю крышку тележки. Едкий аромат лимонной корки и спирта мгновенно заполнил тесное пространство кухни. Пена полезла во все стороны, хлопьями падая на его темные шерстяные брюки.

— Не так размашисто, стажер, — я покачала головой, наблюдая за его неловкими, сердитыми движениями. — Вы разводите грязь по плоскости. Движения должны быть круговыми, с нажимом от центра к краям. И не забудьте про пазы для выдвижных лотков. Если там останутся крошки или жир, при взлете поднос заклинит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.